

О. М. СКИБИНА

Творчество Чехова: поэтика и прототипы (Лидия Яворская и А. П. Чехов)

Рассказ Чехова «Ариадна» не входит в круг обязательного чтения школьников, да этого, видимо, и не требуется строгой учебной программой. Не уделяют должного внимания при изучении творчества Чехова и его пьесе «Чайка», про которую большинство авторов и составителей учебников русской литературы лишь упоминают как о первой комедии, провалившейся в Александринском театре, что в конечном итоге привело к созданию МХТ с его пониманием новаторства Чехова-драматурга. Между тем оба произведения связаны между собой самым тесным образом. Написанные практически в одно и то же время (1895 г.), они удивительным образом запечатлели общий тип женщины, одновременно злой и манящей, притягательной и отталкивающей. И вновь встает вопрос о возможном прототипе. И хотя вопрос этот не сводится к «низведениям к частности» и «отталкиванию от натуры», он вовсе не праздный. Попробуем протянуть «нить Ариадны» к цепочке реалий, за которыми встает удивительно сложный мир чеховского бытия и его художественной лаборатории. Речь пойдет о Лидии Борисовне Яворской, чья судьба и взаимоотношения с Чеховым до сих пор остаются поводом для домыслов и слухов.

О непростых отношениях между Чеховым и актрисой Лидией Борисовной Яворской, которая умела «театрально хотеть» и добиваться своего, писали буквально все биографы Чехова, подчас интригуя читателя и подменяя факты вольной интерпретацией. Чаще всего исследователи ссылались на мемуары Т. Л. Щепкиной-Куперник (1874–1952), которая, являясь свидетелем их «флирта», повествовала о нем довольно подробно. Особенно в первой редакции своих воспоминаний, в которых она нарисовала идиллическую картину как своих отношений с Чеховым, так и «романа» писателя с Яворской. Будучи ее «доверенным лицом», Татьяна Львовна, безусловно, знала истинное положение дел,

но, желая отвести от себя всяческие слухи и сплетни, напускала еще большего тумана*. Прояснить ситуацию могли бы письма Яворской Чехову, которые хранятся в Отделе рукописей РГБ и до сего времени были неизвестны широкому читателю**. Публикация писем Яворской позволит наконец читателям самим составить представление и о ней самой, и об отношениях Чехова с женщинами, а кроме того, прольет свет и на некоторые особенности чеховской психологии творчества. В частности, на его способность «писать только по воспоминаниям».

Лидия Борисовна Яворская (урожденная Гюббенет, по мужу Барятинская) родилась в Киеве в 1871 году. Отец — киевский полицмейстер, француз по происхождению. Актерские способности Лидия обнаружила очень рано, впервые выйдя на сцену в девять лет. По собственному признанию, ей сразу «пророчили будущность артистки, к великому ужасу родителей»***. Еще гимназисткой (училась в «одной из самых демократических гимназий») Яворская сблизилась с семьей известного киевского профессора-шестидесятника Алексева, «обрезала косы и мечтала служить человечеству». Выйдя замуж против воли родителей, Лидия Борисовна скоро испытала горечь разочарований, но проявила самостоятельность в решении своих жизненных проблем. Разведясь с мужем, уехала в Петербург и поступила на драматические курсы В. Н. Давыдова — выдающегося театрального педагога, учившего, что «талант — это только полдела, надо еще уметь и любить работать»****. После окончания курса Яворская получила отказ в приеме в Александринский театр, но мысль о покорении Петербурга не оставляла ее, и она продолжила театральное образование в Париже, где занималась с актером театра «Комеди Франсез» Э. Го.

Наконец, в 1893 году Яворская скромно дебютировала в водевиле Чехова «Медведь». Правда, не в Петербурге, а только в Ревеле. Но поразительная работоспособность, энергия, громадная воля к самоутверждению и жажда славы позволили начинающей актрисе за один только сезон сыграть здесь ведущие роли в более чем десяти спектаклях.

Летом того же года Яворская приехала в Москву и, сыграв у Ф. А. Корша в одноактных комедиях «Tet-a-tet» и «Flirt» Балущкого, попросила

---

* Щепкина-Куперник Т. Л. Дни моей жизни. М., 1928. В своих воспоминаниях Татьяна Львовна нарисовала идиллическую картину как своих отношений с Чеховым, так и «романа» писателя с Яворской. Будучи ее «доверенным лицом», она, безусловно, знала больше и многое делала как в интересах Яворской, так и в своих личных целях. Говоря о своем прошлом и прошлом Лидии Борисовны и желая отвести сплетни от своего имени, часто напускала еще большего тумана.

** ОР РГБ. Фонд 331. Карт. 64. Ед. хр. 34.

*** Беляев Ю. Д. Л. Б. Яворская // Наши артистки. Вып. II. СПб., 1900.

**** Вивьен Л. С. В. Н. Давыдов и его школа // Записки о театре. М., 1958. С. 35.

для большого дебюта роль Маргариты Готье в «Даме с камелиями» Дюма-сына. Первый ее успех в Москве критики связывали не столько с игрой, сколько с экстравагантной манерой поведения — и на сцене, и вне, — не совпадающей с общими представлениями о русской актрисе: скромной, сдержанной, даже застенчивой. Она эпатировала публику нарядами, позволяющими ей демонстрировать прелести своего тела, некоторой развязностью, отсутствием «мелодии жестов», хрипловатым голосом — по словам критиков, «совсем не сценическим, неподатливым, меньше всего ласкающим, способным обвораживать»*. Из дневника Суворина: «Яворская в “Маскараде” умирала изумительно: она стала на четвереньки, лицом к публике, и поползла, в это время груди вырвались у нее из-за корсета. Реально!»**.

На взгляд столичных критиков, сценические данные и возможности молодой актрисы порой были далеки от образов тех героинь, которых она играла. Но актерская «жадность» и честолюбие заставляли Яворскую браться за все новые роли и амплуа: от трагических героинь до комедийных девочек, что лишний раз доказывало ее артистическую гибкость и приспособленность к сцене. О ней говорили «много и даже азартно <...> в смысле ли восхваления, или в смысле порицания, она сразу стала законодательницей в театре». Успеху Яворской немало способствовала ее подруга Т. Л. Щепкина-Куперник, устраивавшая на представлениях овации, подношения и цветы. Критики, признавая аншлаги на спектаклях с участием Яворской, тем не менее не упускали возможности упрекнуть ее в неразборчивости и всеядности при выборе репертуара, фальшивом тоне «мелодекламации с рыданиями в голосе», а порой и в «откровенной халтуре»***. В то же время отмечалось, что Яворская довольно успешна во французских пьесах, героинь которых она играет в «романтико-приподнятой манере», хотя не без подражания знаменитостям вроде Сары Бернар, Дузе, Режан...

Знакомство Яворской с Чеховым состоялось в Москве осенью 1893 года (27 октября писатель привез в редакцию «Русской мысли» корректуру четвертой и пятой глав «Острова Сахалин»). Две недели Чехов провел, по его собственному признанию, «в каком-то чаду»: «жизнь моя состояла из сплошного ряда пиршеств и новых знакомств. Меня проразнили Авеланом. Никогда раньше я не чувствовал себя таким свободным» (П 5, 243). Швартовалась «Авеланова эскадра» (так прозвали свой тесный кружок Яворская, Щепкина-Куперник, певица Варвара Эберле, редактор журнала «Русская мысль» Гольцев, беллетрист

* Эфрос Н. Л. Б. Яворская // Культура театра. М., 1921. № 7–8. С. 64.

** Суворин А. С. Дневник. М., 1999. С. 260.

*** Новости дня. 1895. № 4174, 25 января.

Потапенко, Лика Мизинова и Чехов) в гостинице «Лувр» — либо у самой Яворской, либо у Щепкиной-Куперник. Именно к этой поре (включая ноябрь-декабрь 1893 года, когда Чехов приезжал из Мелихова в Москву на более длительный срок и останавливался в Лоскутной гостинице) относятся первые записки Яворской Чехову. Однако исследователи, считающие причиной охлаждения Чехова к Лике Мизиновой его увлечение Яворской, были далеки от истины*. Слухи о «романе» со знаменитым писателем распространяла сама Лидия Борисовна, чрезвычайно любившая шум вокруг своего имени и постоянно повторяющая слова Марии Стюарт: «Я лучше молвы, повсюду обо мне гремящей». На деле уже в феврале 1894 года Яворская упрекает Чехова в том, что он ее «совсем забыл» и даже когда приезжает в Москву, у нее не бывает (Чехов приезжал в Москву 13, 14 и 27 января 1894 г.).

Вряд ли Яворская представляла себе величину и значительность чеховской личности. Чехов скорее был для нее одним из тех, кто мог бы писать пьесы исключительно для нее — письмо от 2 февраля 1894 не оставляет в этом сомнения. Готовясь к своему первому бенефису (он должен был состояться 18 февраля), Яворская напоминает Чехову о якобы данном им обещании написать «хотя бы одноактную пьесу», причем пьеса нужна не позднее 8 февраля, так как 9-го должна быть афиша. Ответ Чехова на это письмо, как, впрочем, и на все остальные, неизвестен. Известен его мягкий, но решительный отказ участвовать в готовящемся подношении Яворской: «Лидия Борисовна отличный человек и чудесная артистка, и я готов сжечь себя на костре, чтобы ей было светло возвращаться из театра после бенефиса, но прошу Вас на коленях, позвольте мне не участвовать в подношении» (П 5, 270).

Известно и то, что пьесы Чехов не написал, но впоследствии использовал сцену, которую вспоминает Яворская, в «Чайке». Облик же самой актрисы — тщеславной и самолюбивой, ее капризный тон, не терпящий возражений, страсть к подаркам и подношениям — послужили материалом для создания образа Аркадиной. После удачного бенефиса, на котором была сыграна пьеса Софьи Ковалевской «Борьба за счастье», Яворская вместе с Щепкиной-Куперник выехала в Париж, где познакомилась с драматургами Дюма-сыном и Э. Ростаном. «Принцесса Грёза», «Романтики», «Сирано де Бержерак», а чуть позже «Орлёнок» — эти пьесы «нежного, мечтательного Ростана» в переводе Щепкиной-Куперник по праву считались лучшими в исполнении Яворской: «глаз отдыхал на мягкой грации этой кокетливой шалуньи». По этому поводу Суворин в своем «Дневнике» писал: «Познакомились с Ростаном <...>. Вообще о Яворской недоброжелательно. А она говорила, что он в нее

---

* См.: Гроссман Л. Роман Нины Заречной // Прометей. Т 2. М., 1967. С. 218–289.

влюблен. Вчера, когда я ехал с ней, она мне говорила, что ее поклонники постоянно угрожают застрелиться, когда она не отвечает на их любовь. «Да Вы бы им сказали: «Стреляйтесь». Охотников не нашлось бы»*.

В августе 1894 года Яворская вернулась в Москву и начала свой второй театральный сезон у Корша, который специально для нее перевел комедию В. Сарду и Э. Моро «Мадам Сан-Жён». В этой пьесе Яворская играла роль Катрин Юбже — содержательницы прачечной, которая сумела увлечь Наполеона и стала герцогиней. Благодаря игре Яворской пьеса «Мадам Сан-Жён» пользовалась в Москве таким успехом, что имя ее героини (по-французски Сан-Жён означает «бесцеремонный, развязный») вскоре стало нарицательным и дало название ткани, папиросам и т.д. Как вспоминал С. Н. Дурылин, известный историк театра, «прачка <...> прокричала грубым контральто Яворской, и этот крик повторился всюду: на туалетном мыле, на духах, на бонбоньерках с карамелью»**.

Осенью 1894 года, когда Чехов вернулся из-за границы, возобновились его встречи с Яворской и Щепкиной-Куперник. Более того, последняя стала частой гостьей в Мелихове (Яворская, кстати сказать, так ни разу его и не посетила). Обе они зовут Чехова в Москву, сочинив шуточную «грамоту» об увольнении его «вплоть до 3 февраля <...> с обязательством явиться в указанный срок для несения удвоенных обязанностей службы»***. 4 января 1895 года Чехов поселяется в Большой Московской гостинице, в номере 5. Это было время сближения его с актрисой — четыре интимные записки Яворской, в которых она объясняется в любви и откровенно намекает на «неземное блаженство» в пятом номере, помечены рукой Чехова январем этого года. Из январских писем Суворину: «Живу теперь в Москве по причинам, которые тоже объяснить не стану <...>. Мне нужно двадцать пять тысяч годового дохода, так как я уже не могу спать с женщиной, если она не в шелковой сорочке» (П 6, 15). В это же время, по-видимому, Яворская уговорила Чехова представить ее Суворину, который собирался открыть в Петербурге собственный театр, — мысль о покорении Северной столицы по-прежнему не давала ей покоя... Чехов выполнил свое обещание.

В письме Суворину 30 марта 1895 он писал: «На Святой в Петербурге будет оперировать труппа Корша. Сей тенором говорящий антрепренер, вероятно, приедет приглашать вас. Побывайте на “Madame Sans Gene” и посмотрите Яворскую. Если хотите, познакомьтесь. Она интеллигентна и порядочно одевается, иногда бывает умна. Это дочь киевского

* Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 219.

** Дурылин С. Н. В своем углу. М., 1991. С. 185.

*** Ф. 331. К. 6. Ед. х. 34.

полицмейстера Гюбеннета, так что в артериях ее течет кровь актерская, а в венах полицейская <...>. Московские газетчики всю зиму травили ее, как зайца. Но она не заслуживает этого. Если бы не крикливость и не некоторая манерность (кривлянье тож), то это была бы настоящая актриса. Тип во всяком случае любопытный. Обратите внимание» (П 6, 17). Гастроли Яворской в Петербурге в апреле 1895 года прошли с шумом, и хотя Суворин отозвался о них не очень лестно, но тем не менее пригласил ее играть в своем Литературно-артистическом театре сезон 1895/96 года. В дневнике же Суворин записал: «Яворская однообразна до безобразия. Ее противная дикция — она точно давится словами и выпускает их как будто бы не из горла, а из какой-то трещины, которая то уже, то шире — и эти два звука чередуются с таким однообразием, что мне тошно»*.

В Петербурге Яворская всюду поощряла слухи о своем романе с Чеховым и настолько в том преуспела, что Суворин даже спросил Чехова относительно женитьбы. На что получил блистательный ответ, который комментаторами никогда не связывался с Яворской: «Извольте, я женюсь <...> но дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моем небе не каждый день» (П 6, 40–41). Лика Мизинова, заглянувшая в Москву из-за границы, также поинтересовалась у Антона Павловича: «Скоро ли Ваша свадьба с Лидией Борисовной? Позовите меня тогда, чтобы я могла ее расстроить, устроивши скандал в церкви»**. В это же время Чехов подготовил к печати свой рассказ «Ариадна».

История создания этого рассказа подробно описана, но акцент все же сделан на судьбе Лики Мизиновой как главном прототипе героини. Нам же представляется, что в облике Ариадны запечатлена как раз та одновременно влекущая и эгоцентричная женственность Яворской, от которой на время потерял голову и сам Чехов, а чуть позже подпали под ее злое обаяние Суворин и князь Барятинский. Восклицания Ариадны «Мой чистый, мой святой, мой милый!» явно перекликаются с обращениями Яворской к Чехову: «Святой, непостижимый, дивный!», почерк же ее — крупный, нервный, «с помарками и кляксами» — разительно напоминает почерк Яворской. Да и убежденность Ариадны в том, что «Болеслав Маркевич лучше Тургенева», Чехов тоже вполне мог позаимствовать от Яворской, игравшей главную героиню в пьесе Маркевича «Чад жизни». Не случайно она мгновенно «узнала» себя в Ариадне, но не только не открестилась от сходства с нею, а и всячески поспособствовала распространению этого мнения в Москве и Петербурге.

---

* Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 279.

** ОР ОГБ. Ф. 64. Карт. 4. Ед. хр. 2 в.

В 1896 году Яворская становится княгиней — потомок древнего рода, блестящий морской офицер и литератор князь Владимир Владимирович Барятинский, пройдя через развод и отлучение от семьи, женился на актрисе. Мечта дочери киевского полицмейстера сбылась — она стала титулованной особой (Ариадна тоже мечтала о титуле — князь Мактуев в конце рассказа делает ей предложение). По этому поводу Суворин пишет в своем дневнике: «...Получил телеграмму, что Яворская женила на себе князя Барятинского. Она старше его и не любит его. Если она не родит от него, то не уживется с ним долго, или он не уживется с ней». Чуть позже: «Какое лживое создание! Она вся состоит из притворства, зависти, разврата и лжи. А муж в ней души не чаёт. Если бы он знал хоть сотую часть ее жизни...»*.

Сбылась и другая мечта Лидии Борисовны: в лице князя она наконец-то обрела «личного» драматурга. Начиная с 1899 года Барятинский пишет одну за другой пьесы, предназначенные для репертуара Яворской («Во дни Петра», «Перекаты», «Последний Иванов», «Пляска жизни», «Светлый царь» и др.). А в 1901 году княжеская чета создает Новый театр, о котором критика писала, что «труппа Яворской составлена, за малыми исключениями, из ничтожеств и бездарностей <...>. Г-жа Яворская судорожно хватается за все, что ей попадается, и все с треском проваливает. Неудачен Телль, попробуем Чехова. Мало ли чего не бывает, а вдруг хорошо сыграем Чехова»**. В Петербурге сценическая деятельность Яворской, как и повсюду, сопровождалась непрерывными скандалами, шумом, протестами актеров. Она, которой мало было считаться признанной исполнительницей «экзотических» ролей, стремилась распространить свою монополию абсолютно на все (один из критиков заметил, что Яворская «не поет только потому, что с ее голосом это невозможно»***).

Дар Яворской подчинять себе всех и вся прекрасно просматривается даже в тех ее коротеньких записочках, что адресованы Чехову: *«Милая Дуся, мне скучно без Вас. Приезжайте. Гости съезжаются. Я в ожидании. Приезжайте. И салату нет. Закажите. Я целую Вас крепко, Лидия»*. В них больше сказывается характер избалованной, ни в чем не знающей отказа женщины, нежели признание дружеского расположения к ней Чехова. «Она производила сильное впечатление: ее блестящее умение говорить, живость, какая-то змеиная грация, свободное, слегка властное обращение с окружающими <...> многих привлекало, но многих и отталкивало, только никто не оставался к ней равнодушным», — писала о подруге Щепкина-Куперник.

* Суворин А. С. Дневник. М., 1999. С. 260.

** О-в А <А. А. Осипов> // Слово. 1905. № 262. 21 сентября.

*** Там же.

Выстраивая отношения с Чеховым, Яворская умело добивалась своего, очаровывая и пленяя, убеждая в собственной талантливости и неповторимости. Антон Павлович считал ее умной женщиной и неплохой актрисой, но больших иллюзий уже не питал. Тем не менее первое чтение «Чайки» состоялось в Москве именно в апартаментах Яворской, специально для того приехавшей из Петербурга в декабре 1895 года. По воспоминаниям Щепкиной-Куперник, пьеса «всех удивила своей новизной. Но, понятно, тем, кто, как Корш и его артисты, признавали главным образом эффектные, трескучие пьесы Сарду и Дюма, пьеса понравиться не могла»*. «Пьеса моя (“Чайка”) провалилась без представления» (П 6, 11), — писал Чехов Суворину сразу после этого. По-видимому, он все же надеялся на понимание Яворской, возможно, он даже писал свою Аркадину «под нее», но более чем сдержанная реакция присутствующих на чтение, а главное — «неискреннее восхищение хозяйки дома» окончательно убедили его в обратном. «Чайка» была отдана в другие руки. В письмах Чехова в это время появляется едкая ирония в адрес Яворской. Смирнова-Сазонова записала в своем дневнике: «Вечером была у Суворина <...>. Успех “Принцессы Грёзы” мало его радует. Чехов над этой принцессой издевается <...>. Яворскую в “Принцессе Грёзе” он называет прачкой, которая обвила себя гирляндами цветов»**. Еще через год Чехов саркастически заметит: «Яворская не принята на казенную сцену, стало быть, будет давать акробатическое представление в Малом театре» (П 6, 352). В 1901 году Лидия Борисовна через мужа своего, князя Барятинского, просила Чехова о разрешении постановки «Чайки», но получила решительный отказ: «Чайка» принадлежит Художественному театру» (П 11, 21). Через несколько лет Яворская все-таки сыграла Нину Заречную в «Чайке» и Машу в «Трех сестрах». По поводу чего некий А. О-в ядовито заметил в газете «Слово»: Яворская «прохохотала весь второй акт. Сосед взял бинокль: неужели Вершинин ее щекочет?»***.

На смерть Чехова Яворская откликнулась воспоминаниями о писателе, которые во многом созвучны мемуарам Щепкиной-Куперник. Позже актриса гастролировала по городам России, играла в Лондоне и Париже. В 1918 году вместе с мужем уехала в Лондон и через три года умерла там от рака горла. В некрологе, посвященном ее кончине, Н. Эфрос писал: «Она жадно, со всем напряжением громадной энергии, с затратою всех сил, и сил недюжинных, стремилась к определенным целям, — и именно от такого стремления к ним цели отходили все

* Щепкина-Куперник Т. Л. «Театр в моей жизни». М.; Л., 1948. С. 84.

** Литературное наследство. Т. 87. М., 1977. С. 307.

*** О-в А. <Осипов А. А.> // Слово. 1905. № 262. 21 сентября.

далее и дальше, каждый такой шаг к мучительно прельщавшей славе разменивал эту славу и приближал к разбитому корыту»*.

Умение Яворской подчинять себе всех и вся, использовать в целях саморекламы любую возможность, будь то скандал в театре или политическая манифестация, шум и сплетни вокруг своего имени — все это угадывается даже по ее коротеньким записочкам, адресованным Чехову. Выстраивая свои отношения с Чеховым, Яворская умело добивалась своего, очаровывая и пленяя, убеждая в своей талантливости и неповторимости. Искренняя страсть к театру, к искусству лицедейства и воля к творчеству, умение работать приносили ей во многом заслуженный успех, но подражательность, отсутствие «мелодии жестов», естественности и искренности, в конце концов отрезвляли ее когда-то горячих поклонников.

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки в папке «Лидия Борисовна Яворская» хранится 4 письма, адресованных Чехову, 8 записок и одна шутливая «Грамота», выданная Чехову в знак признания его «генералом от литературы», одна записка рукой Т. Л. Щепкиной-Куперник и две — неизвестным лицом. Единственное письмо Чехова, написанное Яворской в первой половине декабря 1894 года из Мелихова с просьбой «оставить в кассе театра билет» некоему учителю Плотову, опубликовано в ПССП (II 5, 346). Письма же Яворской Чехову в России никогда не публиковались. Отрывки из них частично были использованы в статьях Э. Полоцкой, А. Альтшуллера и книгах зарубежных ученых**.

Далее публикуются несколько наиболее интересных писем Яворской Чехову. Более полную публикацию см.: Чеховиана. Полет «Чайки». М., 2001. С. 74–87.

Даты в письмах проставлены Чеховым. Примечания наши. (О. С.)

93. XII (рукой Чехова)¹.

Вот что. Мне очень нехорошо. Если можете, если найдете столько доброты в сердце, напишите мне рецепт, который Вы, жестокий, разорвали вчера. Не смею рассчитывать на Ваше великодушное посещение немощной Яворской, но уповаю...

¹ Чехов жил в Москве с 25 ноября по 19 декабря 1893 года.

* Культура театра. М., 1921. № 7–8. С. 64.

** Полоцкая Э. А. А. П. Чехов. Движение художественной мысли. М., 1979. С. 113. Альтшуллер А. Я. «Тип во всяком случае любопытный» (А. П. Чехов и Л. Б. Яворская) // Чеховиана: статьи, публикации, эссе. М., 1990. С. 140–151; Maegd-Soep C. de. Chekhov and women. Women in the life and work of Chekhov. Columbus, Ohio, 1987; Rayfield D. Anton Chekhov. A Life. London, 1997.

93.18.XII.

Многоуважаемый Антон Павлович, прошу Вас сегодня, перед Вашим отъездом¹, заехать ко мне хоть на несколько минут, чем премного обяжете.

Лидия Яворская.

¹ Чехов выехал в Мелихово 19 декабря 1893 г.

93.XII (рукой Чехова).

Записка, написанная рукой Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Дорогой Антон Павлович, нарочно заезжала к Вам, но, к сожалению, не застала. Немедленно, прошу Вас, заезжайте на квартиру Марии Павловны или, как бы то ни было, предупредите тех, кто там находится (находится ли там кто-нибудь?), что Лидия Борисовна (воспользовавшись любезным приглашением Марии Павловны) проведет там сегодняшнюю ночь. Мы сегодня в театре у Парадиза¹, а оттуда заедем к Вам и узнаем, как и что.

Татьяна и Лидия.

¹ 17 декабря 1893 г. Дата устанавливается по дню посещения Чеховым театра «Парадиз», где гастролировала М. К. Заньковецкая.

94.02.II.

Москва, Тверская, «Лувр».

Глубокоуважаемый и дорогой Антон Павлович! Жалею душою, что Вы меня совсем забыли; даже когда приезжаете в Москву, у меня не бываете¹. Ну, Бог с Вами! Упреки всегда смешны и нелепы. Но, Антон Павлович, обращаюсь к Вам больше чем с просьбой — с воззванием к Вашему великодушию и доброте. 18 февраля мой первый бенефис в Москве. Вы поймете, конечно, как это важно для молодой, начинающей актрисы. От его успеха зависит в большой степени будущее.

Надеюсь, Вы помните данное мне обещание написать для меня хотя одноактную пьесу. Сюжет вы мне рассказывали, он до того увлекателен, что я до сих пор под обаянием его и решила почему-то, что пьеса будет называться «Грезы». Это отвечает заключительным словам графини: «Сон!»²

Дорогой Антон Павлович, не откажите украсить бенефис мой Вашей пьесой. Не касаясь блесков поэзии, которые Вы дадите даже в одноактной вещице, одно Ваше имя возбудит тот интерес, которого недостает мне как новичку пред московской публикой. Поддержите меня, как робкую дебютантку. Это будет мне бесконечно дорого, и я скажу Вам великое спасибо за это.

Если есть у Вас хоть немножко симпатии не только ко мне лично, но как к актрисе, Вы исполните мою просьбу, тем более, что в сравне-

нии с той пользой, которую Вы принесете мне, с наслаждением — публике, Вам это будет стоить немного труда — два вечера — и готово. Процензуют очень быстро. Вам, конечно, <нрзб> в три дня. «Погоня за призраками» в 2 дня. Лишь бы к 8-му была пьеса, т.к. 9-го должна быть афиша. Не хворайте. Крепко жму Вашу руку.

Лидия Яворская.

1-я пьеса моего бенефиса будет, вероятно, «Борьба за счастье» Софьи Ковалевской. Я последовала вашему совету и ставлю русскую пьесу, хотя и перевод³.

Страшно тороплюсь. У меня сейчас Лидия Стахиевна⁴. Будьте здоровы, дорогой Антон Павлович!

¹ Чехов был в Москве 12–14 и 28 января 1894 года.

² Чехов не выполнил этой просьбы Яворской. Впоследствии использовал эту сцену в «Чайке» — второе действие завершается восклицанием Нины: «Сон!»

³ Пьеса С. Ковалевской «Борьба за счастье», написанная вместе со шведской писательницей А. Леффлер, была переведена на русский язык.

⁴ Мизинова. Яворская, по всей видимости, в присутствии Лики в ярких красках расписывала свои «отношения» с Чеховым. Уже с ноября 1893 года в письмах Мизиновой Чехову появляются колкие и ревностные намеки на их возможную близость.

95. I. 1.

Грамота

Высочайшим приказом, состоявшимся в г. Москве 1-го января 1895 г. генерал от литературы и кавалер орденов Св. Великомученицы Татьяны и Лидии Первозванной, а нашего собственного конвоя рядовой Антон Павлович, сын Чехов, увольняется в отпуск вплоть до 3-го февраля сего года во все города Империи и за границу с обязательством представить двух заместителей и явиться в указанный срок¹ для несения удвоенных обязанностей службы.

В подлинном собственной рукой Ея Величества начертано,

Лидия Первозванная.

Место печати

1 января 1895 г.

В Москве

№ 16 — собственный Ея Величества кабинет.

¹ Чехов приехал в Москву 4 января 1895 г. и остановился в Большой Московской гостинице в № 5. Вернулся в Мелихово 21 января.

95. I (дата проставлена рукой Чехова).

Милая дуся, мне скучно без Вас. Приезжайте. Гости съезжаются. Мне надо уехать, вошел Асаф — картина. Я в ожидании. Приезжайте, дуся. И салату нет. Закажите.

Я целую вас крепко,

Лидия.

95. I (дата проставлена рукой Чехова).

Дуся моя, мне страшно тяжело с Вами расставаться, точно от моего сердца отрывается самая лучшая его часть. Сегодня ужасно холодно, позвольте же мне побережь Вас: закутайтесь в этот плед, он будет согревать тебя, как мои горячие поцелуи. Только что думала согреться, бросилась на постель, как раскрывается дверь, — и голос — Ах — Ахшарумова!¹

Не забывай ту, которая любит тебя одного.

Твоя Васантасена².

P. S. Марье Павловне поклон. Ради Бога, оставь плед, если не хочешь меня огорчить³.

¹ Ахшарумов Д. В. (1864–1938), известный музыкант, сын поэта В. Д. Ахшарумова.

² Героиня древней индийской поэмы «Васантасэна» царя Судраки. Яворская играла Васантасэну в пятиактной драме «Васантасэна», немецкой переделке Эмиля Поля, переведенной на русский И. Н. Ивановым-Афанасьевым (Артист, 1894, № 43).

³ Ответ Чехова неизвестен.

95. I (дата рукой Чехова).

О, Карудатта, зависти достойный!

Дуся, небесное блаженство на земле, будьте завтра вечером¹ в театре. Очень прошу Вас об этом.

Васантасена.

¹ Чехов был в театре Корша 9 января на постановке пьесы «Madame Sans-Gene», где играла Яворская (II 6, 11).

Дата не установлена. Записка Чехову рукой неизвестного лица.

По телефону сообщили из редакции журнала «Артист»¹, что г-жа Яворская больна, просит приехать Вас к ним сегодня.

№ 16.

¹ Театральный, музыкальный и художественный журнал. Для «Артиста» был предназначен рассказ «Ариадна», опубликован в «Русской мысли», № 12, 1895. Вполне возможно, что записка относится к посещению Чеховым Москвы 27 января 1895, откуда он 1 февраля выехал в Петербург, не оставшись на бенефис Яворской.

95. I (дата рукой Чехова).

Дорогая дуся, я решила ставить Терезу¹, но, может быть, Корш² не одобрит, и меня ожидает масса затруднений от милых товарищей: вопрос, захочет ли Трубецкой играть Лорана? Во всяком случае я хочу отправить Ренана в цензуру, если запретят, это не мешает переделать. Пришлите, дуся, Ренана, все рукописи, которые есть по этому вопросу³.

Ждите меня в 3 часа.

Целую дусю,

твоя Лидия.

¹ Героиня пьесы Ренана «Жуарская аббатиса», в которой собиралась играть Яворская.

² Корш Федор Адамович (1852–1923), основатель и владелец драматического театра в Москве.

³ 5 января 1895 года Чехов поселился в Большой московской гостинице в № 5. А 6 января он пишет Суворину: «Живу теперь в Москве по причинам, которые тоже объяснять не стану <...>. Беспokoю Вас деловой просьбой. Ответьте мне возможно скорее: стоит ли переводить пьесу Ренана «L'abbesse de Jouarre», т.е. пропустит ли ее цензура? Если, по вашему мнению, цензура этой пьесы не пропустит, то переводить ее и тратиться на нее не будут» (П 6, 9). Судя по всему, письмо вызвано посещением Яворской и обсуждением с нею предстоящего бенефиса в театре Корша. По-видимому, все записки написаны Яворской в эти дни. В следующем письме Суворину от 10 января Чехов впервые упомянет имя Яворской: «Вчера я был у Корша и смотрел «Sans Gene». Пьеса поставлена роскошно и идет недурно. Главную роль играет Яворская — очень милая женщина» (П 6, 11). Спустя несколько дней Чехов вновь возвращается к разговору о Яворской: «Это очень добрая женщина и актриса, из которой, быть может, вышло бы что-нибудь, если бы она не была испорчена школой. Она немножко халда, но это ничего» (П 6, 17). Лидия Борисовна всерьез решила завоевать Петербург — для этого ей нужен был Чехов, друг Суворина. Из письма Чехова Суворину от 19 января 1895 года: «Мне нужно двадцать тысяч годового дохода, так как я уже не могу спать с женщиной, если она не в шелковой сорочке» (П 6, 15).

Дата не установлена. Записка рукой неизвестного лица.

Г-н Чехов уехали к актрисе Яворской кушать чай и просили приехать к ним, т.е. г-на Саблина.

Конец февраля 1895, Нижний Новгород¹.

Большая Нижегородская гостиница, № 9, увы не 5 (рукой Яворской).

О, Карудатта, зависти достойный!
Сидишь в своем жилище достославном
Под кровлей коего витает светлый Кама,

Вкушаешь рыжики соленые
И следишь за гласом Мелиховского народа!

(Не могу больше, хотя стихи овладели мной; но я ими положительно не владею, мой бедный Пегас никак не в силах подняться выше <нрзб> башни.)

И не знаешь, как твоя Васантасена,
Цветок твой южный, «маленькое солнце»,
Страдает здесь в вертепе фонарей,
Взимающих с нее 4 р. в сутки
За номер, столь не похожий,
Увы, на номер тот в Московской,
В коем она с тобою
Вкушала блаженство неземное!

Дуся моя! пора! так, так, так! Нет, не то: пора ко мне! С пера больше не капает стихи, а писать Вам в прозе по чувствам моим совершенно не в состоянии, поэтому пришлите мне Таню². Пусть лучше погибну, но Вам буду писать в стихах! Серьезно, пожалуйста, уговорите ее приехать. В последней телеграмме она писала, что едет к Вам, а теперь уже дня 3 от нее ни слуху ни духу. Думаю, что тому виною деревенская жара и Ваше соблазнительное общество, для которого, я согласна, я бы все забыла, не только друзей, но и весь мир.....

.....и все слухи..... друг мой.....
.....для.....Вас..... о, как..... я....и надеюсь.....
..... что Вы..... тем же самым. Вспомните Гейне.

Прибегаю к глупостям, лежу в жару, инфлуэнца адская, Добровольский³ дурак, сам покаялся, прощения подождет, разговор про Таню анахронизм, в <нрзб> 30 000 убытку от французской оперы и моя безумная любовь к вам, святой, непостижимый, дивный!

Васантасена.

Не Мусиньку поцелуй, а Мусиньке поцелуй!

¹ Дата устанавливается по письму Чехова М. П. Чеховой от 2 марта 1895: «Получил от Яворской письмо в стихах<...>» (П 6, 32). Яворская была на гастролях в Нижнем Новгороде в феврале-марте 1895.

² Т. Л. Щепкина-Куперник.

³ Добровольский Л. М., актер театра Корша.

95. III (рукой Чехова).

Дорогой Антон Павлович, что значит, что Вы забыли Вашу Васантасену. Она спешит напомнить вам о себе. Приехала из Нижнего, пребыванием в котором осталась очень довольна в смысле театральных успе-

хов; привезла вам сердечный привет от Короленко, который оказался милым человеком и вовсе не таким ненавистником женщин, каким мне его описывали. Он даже бывал у меня в уборной. Жена его также очень симпатичная, и я провела с ними несколько приятных часов.

Итак, первая моя *tournee*¹ окончилась благополучно, несмотря на то, что мне пришлось бороться совершенно одной. Теперь близится другая, более серьезная, конечно, т.к. Петербург не Нижний, и я от него положительно не могу ожидать таких же оваций и подношений, какие были там. Надеюсь, что Вы исполните Ваше милое обещание помочь мне немножко относительно Петербурга².

Я, впрочем, прошу Вас об одном: приехать в Петербург, вы все равно собирались. Помните, дорогой Антон Павлович, что я Вас искренно люблю и очень соскучилась по Вас. Я хотела бы очень приехать к Вам³, но говорят, распутица страшная. Остановилась я, конечно, в Московской (!), № 6.

Так как я хочу Вас считать своим другом, то Вы поймете, что одно Ваше присутствие будет мне большой нравственной поддержкой. Когда же мы увидимся?

Ваша Лидия.

¹ *Гастроли (фр.)*.

² *Чехов выполнил свое обещание. В письме Суворину 30 марта 1895 он писал: «На Святой в Петербурге будет оперировать трупа Корша. Сей тенором говорящий антрепренер, вероятно, придет приглашать вас. Побывайте на “Madame Sans Gene” и посмотрите Яворскую. Если хотите, познакомьтесь. Она интеллигентна и порядочно одевается, иногда бывает умна. Это дочь киевского полицмейстера Гюбеннета, так что в артериях ее течет кровь актерская, а в венах полицейская <...>. Московские газетчики всю зиму травили ее, как зайца. Но она не заслуживает этого. Если бы не крикливость и не некоторая манерность (кривлянье тож), то это была бы настоящая актриса. Тип во всяком случае любопытный. Обратите внимание» (П 6, 44).*

³ *В Мелихово.*

Конец марта — начало апреля 1895. Петербург¹.

О Карудатта, нежно любимый,
Снизойди к бедной и позабытой,
Замолвь словечко в защиту несчастной
Твоей прекрасной Васантасены,
А то Суворин и рецензенты
В бешенстве яром сгубят твой Лотос,
Порвут на части Васантасену
И бросят тело дивное ее голодным
Московским рецензентам на съеденье...
О, спаси, Карудатта!!...

Дуся моя, поздравляю Вас с праздниками и желаю всех благ и телу, и душе Вашей... Познакомилась с Бурениным — под личиной добродушного ядовитый мужчина. Говорили о Вас. Он спрашивал, не влюблена ли я в Антона Павловича (для всех это ясно, видишь, дуся?! Так, так, так.....!)?²

Завтра Буренин будет у меня. Он был так мил, даже занимал меня разговорами и «казенным» чаем угощал. Говорил, что с Сувориным мне следует познакомиться и просить его приехать в театр, что от этого много зависит. Но мне не хотелось бы знакомиться с Сувориным иначе как через Вас. Напишите ему словечко обо мне. Ваше слово на него производит такое же впечатление, как слово любимой женщины (!). Как Вы думаете, слово любимой женщины производит впечатление? Вот я увижу, как Вы думаете об этом. Какое производит оно впечатление на Вас и на Суворина.

Безумно волнуюсь перед спектаклями, в среду начало: игра в любовь, четверг «Madame Sans Gene», пятницу — «Sans Gene»!³ Приезжайте!⁴ Господи, хоть бы скорее началось!

Надеюсь, Вы исполните мою маленькую просьбу, за что заранее от души благодарю Вас. Поцелуйте от меня Марью Павловну, пожелайте всего, всего хорошего. Пишите: гостиница Дагмара, куда я переберусь, как только кончатся спектакли. Для меня опять начинается страдная пора. Не забывайте.

Целую и люблю.

Ваша Лидия.

¹ Дата устанавливается по упоминанию праздников Пасхи и гастролям театра Корша в Петербурге, проходившим в апреле 1895.

² Слухи о своих отношениях с Чеховым всюду распространяла сама Яворская. Вовсе не случаен вопрос Суворина, заданный Чехову в мартовском письме относительно женитьбы и выразительный ответ Чехова («Извольте, я женюсь...» — П. 6. С. 40). Лика Мизинова, ненадолго приехавшая этой весной в Москву, также впоследствии задавала вопрос: «Скоро ли ваша свадьба с Лидией Борисовной? Позовите меня тогда, чтобы я могла ее расстроить, устроивши скандал в церкви» (ОР ОГБ. Ф. 64. Карт. 4. Ед. хр. 2 в.).

³ «Мадам Сан-Жён» — историческая комедия в 4-х действиях В. Сарду и Э. Моро, в переводе Ф. А. Корша. Яворская играла в этой пьесе роль Катрин Юбже, содержательницы прачечной, сумевшей увлечь Наполеона и ставшей потом герцогиней. По-французски *sans-gene* означает «бесцеремонный, развязный». Пьеса в Москве пользовалась таким большим успехом, что имя героини послужило названием ткани, косметических товаров, папирос, конфет и т. д. Как вспоминал С. Н. Дурылин, «прачка <...> прокричала грубым контральто Яворской на сцене театра Корша, и этот крик повторился всюду — на туалетном

мысле, на духах, на бонбоньерках с карамелью» (Дурылин С. Н. В своем углу. М., 1991. С. 185). Суворин присутствовал на спектакле 7 апреля, а 8 апреля в «Новом времени», 1895, № 6862, был напечатан его не очень лестный отзыв об игре Яворской (П 6, 411). Тем не менее позже он пригласил Яворскую играть сезон 1895–96 в своем только что открывшемся театре Литературно-художественного кружка.

⁴ *Чехов в Петербурге в эти дни не был.*

96. I. (рукой Чехова).

Милый Антон Павлович, я сделала страшную штуку: отдала Вам контракт, когда должна его вернуть в 1 ч. дня. Пришлите мне его немедленно с посыльным, а с <нрзб> можно переговорить на словах.

Лидия Яворская.

Завтра, т.е. сегодня буду около 4-х у Суворина¹.

¹ *Чехов был в Петербурге с 4 по 13 января 1896.*

